

После того как рухнуло мое доверие и к ним, я подумал: "Верно, полагаться можно только на показания рассудка... Но тогда заговорили чувственные данные: "А почему ты полагаешь, что доверие твое к показаниям рассудка не подобно тому доверию, которым мы пользовались у тебя? Ведь ты раньше доверял нам, а потом пришел рассудок и опроверг нас, и если бы не рассудок ты наверняка бы еще продолжал доверять нам. А не может ли быть так, что (за постигающей способностью рассудка; имеется другой судья, готовый появиться и опровергнуть рассудок так же, как это сделал сам рассудок, когда он появился и опроверг решения чувств. И если подобная постигающая способность еще не проявляла себя, то это отнюдь не доказывает невозможность ее существования..."

И когда мысль эта охватила меня сжигая душу мою, подобно искре высекаемой из огня, я попытался*

364

излечить себя от этого недуга, но сделать это оказалось нелегко, ибо избавиться от него можно было лишь с помощью доказательства, а доказательство невозможно, если оно не построено на первичных принципах».

Газали попытался узнать, что думают об этом другие ученые. Прежде всего он проштудировал книги, написанные мутакаллимами, представителями калама, мусульманской рационалистической теологии. Их попытки дать рациональные объяснения всем религиозным вопросам, разрешить трудности веры с помощью разума, логики были бесплодными, освобождали от многих заблуждений. Но утверждения, на которых настаивали мутакаллимы, не обладали, как заметил Газали, характером «необходимого», достоверного знания и не могли удовлетворить его пытливого ума.

Покончив с учением калама, аль-Газали принялся за философскую науку, «фальсафу» — так в арабской культуре называлось направление, которое